

VI.

Заканчивая свою краткую характеристику философской системы Толстого, мнѣ хотѣлось бы остановиться еще на одномъ пунктѣ его философіи и ея значеніи для насъ.

Въ области художественнаго творчества, какъ извѣстно, имѣется различіе типовъ національныхъ и общечеловѣческихъ. И это различіе касается не только самихъ типовъ, какъ продуктовъ художественнаго творчества опредѣленнаго художника, но на ряду съ этимъ говорится и о самихъ художникахъ и о всемъ характерѣ ихъ творчества, какъ явленіяхъ національныхъ, какъ выразителяхъ психо-соціального уклада опредѣленной соціальной группы или народа.

До извѣстной степени допустимымъ кажется это явленіе и въ области философіи. Выше мы указали, что философія есть типическій темпераментъ, разсматриваемый черезъ міровую картину, въ противоположность художественному творчеству, которое является міровой картиной, разсматриваемой черезъ темпераментъ. Если это дѣйствительно такъ, то уже сама *типичность* темперамента предполагаетъ, до извѣстной степени, то, что онъ долженъ быть не темпераментомъ индивида, а темпераментомъ группы, класса или народа... Исторія философіи отчасти подтверждаетъ это явленіе... Такъ, для грековъ философомъ національнымъ является Платонъ съ его застывшимъ, «твердымъ» царствомъ идей, а не Гераклитъ съ его «все течетъ», ибо и «становленіе» Гераклита говоритъ о томъ же застывшемъ: его «становленіе» не есть *непрерывный* процессъ, а есть не что иное, какъ синтезъ двухъ «твердыхъ» понятій: бытія и небытія; только сложивъ ихъ онъ можетъ получить «становленіе»; непрерывное измѣненіе, дифференціальный методъ грекамъ не извѣстны.